

Андерсен Ганс Христиан

Снежная королева

История первая, в которой говорится о зеркале и его осколках

Ну, начнем! Когда мы доберемся до конца нашей истории, будем знать больше, чем теперь. Так вот, жил-был тролль, злой-презлой — это был сам дьявол. Как-то раз у него было прекрасное настроение: он смастерил зеркало, обладавшее удивительным свойством. Все доброе и прекрасное, отражаясь в нем, почти исчезало, но все ничтожное и отвратительное особенно бросалось в глаза и становилось еще безобразнее. Чудесные пейзажи казались в этом зеркале вареным шпинатом, а лучшие из людей — уродами; чудилось, будто они стоят вверх ногами, без животов, а лица их так искажались, что их нельзя было узнать.

Если у кого-нибудь на лице была одна-единственная веснушка, этот человек мог быть уверен, что в зеркале она расплывется во весь нос или рот. Дьявола все это ужасно забавляло. Когда человеку в голову приходила добрая благочестивая мысль, зеркало тотчас строило рожу, а тролль хохотал, радуясь своей забавной выдумке. Все ученики тролля — а у него была своя школа — рассказывали, что свершилось чудо.

— Только теперь, — говорили они, — можно видеть мир и людей такими, какие они на самом деле.

Они повсюду носились с зеркалом, и в конце концов не осталось ни одной страны и ни одного человека, которые бы не отразились в нем в искаженном виде. И вот они захотели добраться до неба, чтобы посмеяться над ангелами и над Господом Богом. Чем выше поднимались они, тем больше гримасничало и кривлялось зеркало; им трудно было удержать его: они летели все выше и выше, все ближе к Богу и ангелам; но вдруг зеркало так перекошилось и задрожало, что вырвалось у них из рук и полетело на землю, там оно разбилось вдребезги. Миллионы, биллионы, несметное множество осколков наделали гораздо больше вреда, чем само зеркало. Некоторые из них, величиной с песчинку, разлетелись по белу свету и, случалось, попадали людям в глаза; они оставались там, а люди с той поры видели все шиворот-навыворот или замечали во всем только дурные стороны: дело в том, что каждый крошечный осколок обладал той же силой, что и зеркало. Некоторым людям осколки попали прямо в сердце, — это было ужаснее всего — сердце превращалось в кусок льда. Попадались и такие большие осколки, что их можно было вставить в оконную раму, но сквозь эти окна не стоило смотреть на своих друзей. Иные осколки были вставлены в очки, но стоило людям надеть их, чтобы хорошенько все рассмотреть и вынести справедливое суждение, как приключалась беда. А злой тролль хохотал до колик в животе, словно его щекотали. И много осколков зеркала все еще летало по свету. Послушаем же, что было дальше!

История вторая. Мальчик и девочка

В большом городе, где столько людей и домов, что не всем удастся разбить маленький садик и где поэтому очень многим приходится довольствоваться комнатными цветами, жили двое бедных детей, у которых садик был чуть побольше цветочного горшка. Они не были братом и сестрой, но любили друг друга, словно родные. Родители их жили по соседству, под самой крышей — в мансардах двух смежных домов. Кровли домов почти соприкасались, а под выступами проходил водосточный желоб, — вот как раз туда и выходили окошки обеих комнат. Стоило только перешагнуть желобок, и можно было сразу попасть через окошко к соседям.

У родителей под окнами было по большому деревянному ящику; в них они разводили зелень и коренья, а еще в каждом ящике росло по небольшому кусту роз, кусты эти чудесно разрастались. Вот и додумались родители поставить ящики поперек желобка; они тянулись от одного окна к другому, словно две цветочные грядки. Усики гороха свисали с ящиков зелеными гирляндами; на розовых кустах появлялись все новые побеги: они обрамляли окна и переплетались — все это было похоже на триумфальную арку из листьев и цветов.

Ящики были очень высоки, и дети хорошо знали, что залезать на них нельзя, поэтому родители часто позволяли им ходить друг к другу в гости по желобу и сидеть на скамеечке под розами. Как весело они там играли!

Но зимой дети были лишены этого удовольствия. Окна часто совсем замерзали, но малыши нагревали на печке медные монетки и прикладывали их к замерзшим стеклам, — лед быстро

оттаивал, и получалось чудесное окошко, такое круглое, круглое — в нем показывался веселый, ласковый глазок, это мальчик и девочка смотрели из своих окон. Его звали Кай, а ее — Герда. Летом они могли одним прыжком очутиться друг у друга, а зимой приходилось сначала спуститься на много ступенек вниз, а потом подняться на столько же ступенек вверх! А на дворе бушевала метель.

— Это роятся белые пчелки, — сказала старая бабушка.

— А у них есть королева? — спросил мальчик, потому что он знал, что у настоящих пчел она есть.

— Есть, — ответила бабушка. — Королева летает там, где снежный рой всего гуще; она больше всех снежинок и никогда не лежит подолгу на земле, а снова улетает с черной тучей. Иногда в полночь она летает по улицам города и заглядывает в окна, — тогда они покрываются чудесными ледяными узорами, словно цветами.

— Мы видели, видели, — сказали дети и поверили, что все это сушая правда.

— А может Снежная королева прийти к нам? — спросила девочка.

— Пусть только попробует! — сказал мальчик. — Я посажу ее на раскаленную печку, и она растает.

Но бабушка погладила его по голове и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай вернулся домой и уже почти разделся, собираясь лечь в постель, он забрался на скамеечку у окна и заглянул в круглое отверстие в том месте, где оттаял лед. За окном порхали снежинки; одна из них, самая большая, опустилась на край цветочного ящика. Снежинка росла, росла, пока, наконец, не превратилась в высокую женщину, закутанную в тончайшее белое покрывало; казалось, оно было соткано из миллионов снежных звездочек. Женщина эта, такая прекрасная и величественная, была вся из льда, из ослепительного, сверкающего льда, — и все же живая; глаза ее сияли, как две ясные звезды, но в них не было ни тепла, ни покоя. Она склонилась к окну, кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчик испугался и спрыгнул со скамеечки, а мимо окна промелькнуло что-то, похожее на огромную птицу.

На другой день был славный мороз, но потом началась оттепель, а там пришла весна. Светило солнце, проглядывала первая зелень, ласточки вили гнезда под крышей, окна были распахнуты настежь, и дети снова сидели в своем крошечном садике у водосточного желоба высоко над землей.

Розы в то лето цвели особенно пышно; девочка выучила псалом, в котором говорилось о розах, и, напевая его, она думала о своих розах. Этот псалом она спела мальчику, и он стал ей подпевать:

Розы в долинах цветут... Красота!

Скоро узрим мы младенца Христа.

Взявшись за руки, дети пели, целовали розы, смотрели на ясные солнечные блики и разговаривали с ними, — в этом сиянии им чудился сам младенец Христос. Как прекрасны были эти летние дни, как хорошо было сидеть рядом под кустами благоухающих роз, — казалось, они никогда не перестанут цвести.

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками, — разных зверей и птиц. И вдруг — как раз на башенных часах пробило пять — Кай вскрикнул:

— Меня кольнуло прямо в сердце! А теперь что-то попало в глаз! Девочка обвила ручонками его шею. Кай мигал глазами; нет, ничего не было видно.

— Наверное, выскочило, — сказал он; но в том-то и дело, что не выскочило. Это был как раз крошечный осколок дьявольского зеркала; ведь мы, конечно, помним об этом ужасном стекле, отражаясь в котором все великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное выступало еще резче, и каждый недостаток сразу бросался в глаза. Крошечный осколок попал Каю прямо в сердце. Теперь оно должно было превратиться в кусок льда. Боль прошла, но осколок остался.

— Что ты хнычешь? — спросил Кай. — Какая ты сейчас некрасивая! Ведь мне совсем не больно!... Фу! — закричал он вдруг. — Эту розу точит червь! Посмотри, а та совсем кривая! Какие гадкие розы! Ничуть не лучше ящиков, в которых они торчат!

И вдруг он толкнул ногой ящик и сорвал обе розы.

— Кай! Что ты делаешь? — закричала девочка.

Увидев, как она испугалась, Кай сломал еще одну ветку и убежал от милой маленькой Герды в свое окно.

Приносила ли ему после того девочка книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для младенцев; всякий раз, когда бабушка что-нибудь рассказывала, он

перебивал ее и придирался к словам; а иногда на него такое находило, что он передразнивал ее походку, надевал очки и подражал ее голосу. Получалось очень похоже, и люди покатывались со смеху. Вскоре мальчик научился передразнивать всех соседей. Он так ловко выставлял на показ все их странности и недостатки, что люди только диву давались:

— Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему был осколок зеркала, что попал ему в глаз, а потом и в сердце. Потому-то он передразнивал даже маленькую Герду, которая любила его всей душой.

И играл теперь Кай совсем по-другому — чересчур замысловато. Как-то раз зимой, когда шел снег, он пришел с большим увеличительным стеклом и подставил под падающий снег полу своего синего пальто.

— Посмотри в стекло, Герда! — сказал он. Каждая снежинка увеличилась под стеклом во много раз и походила на роскошный цветок или на десятиконечную звезду. Это было очень красиво.

— Посмотри, как искусно сделано! — сказал Кай. — Это куда интереснее, чем настоящие цветы. И какая точность! Ни одной кривой линии. Ах, если бы только они не таяли!

Немного погодя Кай пришел в больших рукавицах, с санками за спиной и крикнул Герде в самое ухо:

— Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками! — и убежал.

На площади каталось много детей. Самые храбрые мальчишки привязывали свои салазки к крестьянским саням и отъезжали довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый его разгар на площади появились большие белые сани; в них сидел человек, укутанный в пушистую, белую меховую шубу, на голове у него была такая же шапка. Сани два раза объехали площадь, Кай живо привязал к ним свои маленькие салазки и покати́л. Большие сани понеслись быстрее и вскоре свернули с площади в переулок. Тот, кто сидел в них, обернулся и приветливо кивнул Каю, словно они были давно знакомы. Каждый раз, когда Кай хотел отвязать санки, седок в белой шубе кивал ему, и мальчик ехал дальше. Вот они выехали за городские ворота. Снег вдруг повалил густыми хлопьями, так что мальчик ничего не видел на шаг впереди себя, а сани все мчались и мчались.

Мальчик попытался скинуть веревку, которую он зацепил за большие сани. Это не помогло: салазки его словно приросли к саням и все так же неслись вихрем. Кай громко закричал, но никто его не услышал. Метель бушевала, а сани все мчались, ныряя в сугробах; казалось, что они перескакивают через изгороди и канавы. Кай дрожал от страха, он хотел прочесть “Отче наш”, но в уме у него вертелась только таблица умножения.

Снежные хлопья все росли и росли, наконец, они превратились в больших белых кур. Вдруг куры разлетелись во все стороны, большие сани остановились, и человек, сидевший в них, встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба, и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она. — Ух, какой мороз! Ну-ка, залезай ко мне под медвежью шубу!

Она посадила мальчика рядом с собой на большие сани и закутала его в свою шубу; Кай словно провалился в снежный сугроб.

— Тебе все еще холодно? — спросила она и поцеловала его в лоб. У! Поцелуй ее был холоднее льда, он пронизал его насквозь и дошел до самого сердца, а оно и так уже было наполовину ледяным. На мгновение Каю показалось, что он вот-вот умрет, а потом ему стало хорошо, и он уже не чувствовал холода.

— Мои санки! Не забудь про мои санки! — спохватился мальчик. Салазки привязали на спину одной из белых куриц, и она полетела с ними вслед за большими санями. Снежная королева поцеловала Каю еще раз, и он забыл и маленькую Герду, и бабушку, всех-всех, кто остался дома.

— Больше я не буду целовать тебя, — сказала она. — А не то зацелую до смерти!

Кай взглянул на нее, она была так хороша! Он и представить себе не мог более умного, более прелестного лица. Теперь она не казалась ему ледяной, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему. В его глазах она была совершенством. Кай уже не чувствовал страха и рассказал ей, что умеет считать в уме и даже знает дроби, а еще знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей... А Снежная королева только улыбалась. И Каю показалось, что он, и в самом деле, знает так мало, и он устремил взор в бесконечное воздушное пространство. Снежная королева подхватила мальчика и взвилась с ним на черную тучу.

Буря плакала и стонала, словно распевала старинные песни. Кай и Снежная королева летели над лесами и озерами, над морями и сушей. Под ними проносились со свистом холодные ветры, были волки, сверкал снег, а над головами с криком кружили черные вороны; но высоко вверх

светил большой ясный месяц. Кай смотрел на него всю долгую-долгую зимнюю ночь, — днем он спал у ног Снежной королевы.

История третья. Цветник женщины, умевшей колдовать

А что же было с маленькой Гердой после того, как Кай не вернулся? Куда он исчез? Никто этого не знал, никто не мог ничего рассказать о нем. Мальчики говорили только, что видели, как он привязал свои салазки к большим великолепным саням, которые потом свернули на другую улицу и умчались за городские ворота. Никто не знал, куда он девался. Много слез было пролито: горько и долго плакала маленькая Герда. Наконец, все решили, что Кая больше нет в живых: может быть, он утонул в реке, которая протекала неподалеку от города. Ох, как тянулись эти мрачные зимние дни! Но вот пришла весна, засияло солнце.

— Кай умер, он больше не вернется, — сказала маленькая Герда.

— Я этому не верю! — возразил солнечный свет.

— Он умер, и больше не вернется! — сказала она ласточкам.

— Не верим! — ответили они, и, наконец, сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои новые красные башмачки, — сказала она как-то утром. — Кай еще ни разу не видел их. А потом спущусь к реке и спрошу о нем.

Было еще очень рано. Девочка поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки, одна-одинешенька вышла за ворота и спустилась к реке:

— Правда, что ты взяла моего маленького дружка? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты мне его вернешь.

И девочке почудилось, будто волны как-то странно кивают ей; тогда она сняла свои красные башмачки — самое дорогое, что у нее было — бросила их в реку; но она не могла забросить их далеко, и волны тут же вынесли башмачки обратно на берег — видно, река не захотела взять ее сокровище, раз у нее не было маленького Кая. Но Герда подумала, что слишком близко бросила башмачки, вот она и вскочила в лодку, лежавшую на песчаной отмели, подошла к самому краю кормы и бросила башмачки в воду. Лодка не была привязана и от резкого толчка соскользнула в воду. Герда заметила это и решила поскорее выбраться на берег, но пока она пробиралась обратно на нос, лодка отплыла на сажень от берега и понеслась по течению. Герда очень испугалась и заплакала, но никто, кроме воробьев, не слышал ее; а воробьи не могли перенести ее на сушу, но они летели вдоль берега и щебетали, словно хотели утешить ее:

— Мы тут! Мы тут!

Поток уносил лодку все дальше, Герда сидела совсем тихо в одних чулках — красные башмачки плыли за лодкой, но они не могли ее догнать: лодка плыла гораздо быстрее.

Берега реки были очень красивы: повсюду росли вековые деревья, пестрели чудесные цветы, на склонах паслись овцы и коровы, но нигде не было видно людей.

“Может быть, река несет меня прямо к Каю?” — подумала Герда. Она повеселела, встала на ноги и долго-долго любовалась живописными зелеными берегами; лодка подплыла к большому вишневому саду, в котором приютился маленький домик с чудесными красными и синими окнами и с соломенной крышей. Перед домиком стояли два деревянных солдата и отдавали ружьями честь всем, кто проплывал мимо. Герда подумала, что они живые, и окликнула их, но солдаты, конечно, не ответили ей; лодка подплыла еще ближе, — она почти вплотную подошла к берегу.

Девочка закричала еще громче, и тогда из домика, опираясь на клюку, вышла дряхлая-предряхлая старушка в широкополой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты, бедняжка! — сказала, старушка. — Как это ты попала на такую большую, быструю реку, да еще заплыла так далеко?

Тут старушка вошла в воду, подцепила своей клюкой лодку, подтянула ее к берегу и высадила Герду.

Девочка была рада-радешенька, что наконец выбралась на берег, хоть и немного побаивалась незнакомой старухи.

— Ну, пойдем; Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать обо всем, что с ней приключилось, а старушка качала головой и говорила: “Гм! Гм!” Но вот Герда кончила и спросила ее, не видела ли она маленького Кая.

Старушка ответила, что здесь он еще не проходил, но, наверное, скоро придет сюда, так что девочке нечего горевать — пусть отведаст ее вишен да посмотрит на цветы, что растут в саду; цветы эти красивее любых книжек с картинками, и каждый цветок рассказывает свою сказку.

Тут старушка взяла Герду за руку, увела ее к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна в домике были высоко от полу и все из разных стекол: красных, синих и желтых, —

поэтому и вся комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояли чудесные вишни, и старушка позволила Герде есть, сколько душе угодно. А пока девочка ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком, они блестели, словно золотые, и так чудесно вились вокруг ее нежного личика, кругленького и румяного, словно роза.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как славно мы с тобой заживем!

И чем дольше расчесывала она Герде волосы, тем быстрее Герда забывала своего названного брата Кая: ведь эта старушка умела колдовать. Но она не была злой волшебницей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; а сейчас ей очень хотелось, чтобы маленькая Герда осталась у нее. И вот она пошла в сад, помахала своей клюкой над каждым розовым кустом, и те, как стояли в цвету, так все и ушли глубоко в землю — и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда, увидев розы, вспомнит свои собственные, а там и Кая, и убежит.

Сделав свое дело, старушка повела Герду в цветник. Ах, как там было красиво, как благоухали цветы! Все цветы, какие только есть на свете, всех времен года пышно цвели в этом саду; никакая книжка с картинками не могла быть пестрей и прекраснее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не скрылось за высокими вишневыми деревьями. Потом ее уложили в чудесную постельку с красными шелковыми перинками, а перинки те были набиты голубыми фиалками; девочка уснула, и ей снились такие чудесные сны, какие видит разве только королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть на солнышке в чудесном цветнике. Так прошло много дней. Герда знала теперь каждый цветок, но хоть их и было так много, ей все же казалось, что какого-то цветка недостает; только вот какого? Как-то раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами, и среди них прекраснее всех была роза. Старушка забыла стереть ее со шляпы, когда заколдовала живые розы и спрятала их под землю. Вот до чего доводит рассеянность!

— Как! Тут нет роз? — воскликнула Герда и побежала искать их на клумбах. Искала, искала, да так и не нашла.

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Но ее горячие слезы упали как раз на то место, где был спрятан розовый куст, и как только они смочили землю, он мгновенно появился на клумбе такой же цветущий, как прежде. Герда обвила его ручонками и стала целовать розы; тут она вспомнила о тех чудных розах, что цвели дома, а потом и о Кае.

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Ведь мне нужно искать Кая! Вы не знаете, где он? — спросила она у роз. — Вы верите, что его нет в живых?

— Нет, он не умер! — ответили розы. — Мы же побывали под землей, где лежат все умершие, но Кая меж ними нет.

— Спасибо вам! — сказала Герда и пошла к другим цветам. Она заглядывала в их чашечки и спрашивала:

— Не знаете ли вы, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и грезил только своей собственной сказкой или историей; много их выслушала Герда, но никто из цветов ни слова не сказал о Кае.

Что же рассказала ей огненная лилия?

— Слышишь, как бьет барабан? “Бум!”, “Бум!”. Звуки очень однообразные, всего лишь два тона: “Бум!”, “Бум!”. Слушай заунывное пение женщин! Слушай крики жрецов... В длинном алом одеянии стоит на костре вдова индийца. Языки пламени охватывают ее и тело умершего мужа, но женщина думает о живом человеке, что стоит тут же, — о том, чьи глаза горят ярче пламени, чьи взоры обжигают сердце горячее огня, который вот-вот испепелит ее тело. Может ли пламя сердца погаснуть в пламени костра!

— Ничего не понимаю! — сказала Герда.

— Это моя сказка, — объяснила огненная лилия. Что рассказал вьюнок?

— Старинный рыцарский замок возвышается над скалами. К нему ведет узкая горная тропинка. Старые красные стены увиты густым плющом, листья его цепляются друг за друга, плющ обвивает балкон; на балконе стоит прелестная девушка. Она перегнулась через перила и смотрит вниз на тропинку: ни одна роза не может сравниться с ней в свежести; и цветок яблони, сорванный порывом ветра, не трепещет так, как она. Как шелестит ее дивное шелковое платье! “Неужели он не придет?”

— Ты говоришь про Кая? — спросила Герда.

— Я рассказываю о своих грезах! Это моя сказка, — ответил вьюнок. Что рассказал крошка-подснежник?

— Между деревьями на толстых веревках висит длинная доска — это качели. На них стоят две маленькие девочки; платица на них белые, как снег, а на шляпах длинные зеленые шелковые ленты, они развеваются по ветру. Братишка, постарше их, стоит на качелях, обвив веревку рукой, чтобы не упасть; в одной руке у него чашечка с водой, а в другой трубочка, — он пускает мыльные пузыри; качели качаются, пузыри летают по воздуху и переливаются всеми цветами радуги. Последний пузырь еще висит на конце трубочки и раскачивается на ветру. Черная собачка, легкая, как мыльный пузырь, встает на задние лапы и хочет вспрыгнуть на качели: но качели взлетают вверх, собачонка падает, сердится и тявкает: дети дразнят ее, пузыри лопаются... Качающаяся доска, разлетающаяся по воздуху мыльная пена — вот моя песенка!

— Что ж, она очень мила, но ты рассказываешь все это таким печальным голосом! И опять ни слова о Кае! Что рассказали гиацинты?

— Жили на свете три сестры, стройные, воздушные красавицы. На одной платье было красное, на другой голубое, на третьей — совсем белое. Взявшись за руки, танцевали они у тихого озера при ясном лунном свете. То были не эльфы, а настоящие живые девушки. В воздухе разлился сладкий аромат, а девушки исчезли в лесу. Но вот запахло еще сильнее, еще слаще — три гроба выплыли из лесной чащи на озеро. В них лежали девушки; светлячки кружили в воздухе, словно крошечные трепещущие огоньки. Спят юные плясуньи или умерли? Аромат цветов говорит, что умерли. Вечерний колокол звонит по усопшим!

— Вы совсем меня расстроили, — сказала Герда. — Вы тоже так сильно пахнете. Теперь у меня из головы не идут умершие девушки! Неужели Кай тоже умер! Но розы побывали под землей, и они говорят, что его там нет.

— Динь-дон! — зазвенели колокольчики гиацинтов. — Мы звонили не над Каем. Мы и не знаем его. Мы поем свою собственную песенку.

Герда подошла к лютику, сидевшему среди блестящих зеленых листьев.

— Маленькое ясное солнышко! — сказала Герда. — Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего маленького дружка?

Лютик засиял еще ярче и взглянул на Герду. Какую же песенку спел лютик? Но и в этой песенке ни слова не было о Кае!

— Был первый весенний день, солнышко приветливо светило на маленький дворик и пригревало землю. Лучи его скользили по белой стене соседнего дома. Возле самой стены распустились первые желтые цветочки, словно золотые сверкали они на солнце; старая бабушка сидела во дворе на своем стуле;

вот вернулась из гостей домой ее внучка, бедная прелестная служанка. Она поцеловала бабушку; поцелуй ее — чистое золото, он идет прямо от сердца. Золото на устах, золото в сердце, золото на небе в утренний час. Вот она, моя маленькая история! — сказал лютик.

— Бедная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Она, конечно, тоскует и страдает из-за меня; как она горевала о Кае! Но я скоро вернусь домой вместе с Каем. Незачем больше расспрашивать цветы, они ничего не знают, кроме своих собственных песен, — все равно они мне ничего не посоветуют.

И она подвязала свое платьице повыше, чтобы удобнее было бежать. Но когда Герда хотела перепрыгнуть через нарцисс, он хлестнул ее по ноге. Девочка остановилась, посмотрела на длинный желтый цветок и спросила:

— Может, ты что-нибудь знаешь?

И она склонилась над нарциссом, ожидая ответа.

Что же сказал нарцисс?

— Я вижу себя! Я вижу себя! О, как я благоухаю! Высоко под самой крышей в маленькой каморке стоит полуодетая танцовщица. Она то стоит на одной ножке, то на обеих, она попирает весь свет, — ведь она лишь обман зрения. Вот она льет воду из чайника на кусок материи, который держит в руках. Это ее корсаж. Чистота — лучшая красота! Белое платье висит на гвозде, вбитом в стену; оно тоже выстирано водою из чайника и высушено на крыше. Вот девушка одевается и повязывает на шею ярко-желтый платочек, а он еще резче оттеняет белизну платья. Опять одна ножка в воздухе! Смотри, как прямо она держится на другой, точно цветок на своем стебельке! Я вижу в ней себя! Я вижу в ней себя!

— Какое мне до всего этого дело! — сказала Герда. — Нечего мне об этом рассказывать!

И она побежала в конец сада. Калитка была заперта, но Герда так долго расшатывала заржавевший засов, что он поддался, калитка распахнулась, и вот девочка босиком побежала по дороге. Раз три она оглядывалась, но никто не гнался за ней. Наконец, она устала, присела на большой камень и огляделась по сторонам: лето уже прошло, наступила поздняя осень. У

старушки в волшебном саду этого не было заметно, — ведь там все время сияло солнце и цвели цветы всех времен года.

— Господи! Как я замешкалась!, — сказала Герда. — Ведь уже осень! Нет, мне нельзя отдыхать! Она встала и пошла дальше.

Ах, как ныли ее усталые ножки! Как неприветливо и холодно было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, роса стекала с них крупными каплями. Листья падали на землю один за другим. Только на терновнике еще остались ягоды, но они были такие вяжущие, терпкие.

Ах, до чего серым и унылым казался весь мир!

Четвертая история. Принц и Принцесса

Герде пришлось опять присесть и отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон; долго-долго смотрел он на девочку, кивая головой, и, наконец, сказал:

— Карр-карр! Добррый день!

Лучше ворон не умел говорить, но от всей души желал девочке добра и спросил ее, куда это она бредет по белу свету одна-одинешенька. Слово “одна” Герда хорошо поняла, она почувствовала, что это значит. Вот она и рассказала ворону о своей жизни и спросила, не видел ли он Кая.

Ворон в раздумье покачал головой и прокаркал:

— Очень вероятно! Очень вероятно!

— Как? Правда? — воскликнула девочка; она осыпала ворона поцелуями и так крепко обняла его, что чуть не задушила.

— Будь благоразумна, будь благоразумна! — сказал ворон. — Я думаю, что это был Кай! Но он, верно, совсем забыл тебя из-за своей принцессы!

— Разве он живет у принцессы? — спросила Герда.

— Да вот, послушай! — сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить на человеческом языке. Вот если бы ты понимала по-вороньи, я бы тебе куда лучше все рассказал!

— Нет, этому я не научилась, — вздохнула Герда. — Но бабушка, та понимала, она даже знала “тайный” язык^[1]. Вот и мне бы научиться!

— Ну, ничего, — сказал ворон. — Расскажу, как сумею, пусть хоть плохо. И он рассказал обо всем, что знал.

— В королевстве, где мы с тобой находимся, живет принцесса — такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты, какие только есть на свете, и тут же позабыла, что в них написано, — вот какая умница! Как-то недавно сидела она на троне — а люди говорят, что это скука смертная! — и вдруг начала напевать вот эту песенку: “Что бы мне бы не выйти замуж! Что бы мне бы не выйти замуж!”. “А почему бы и нет!” — подумала она, и ей захотелось выйти замуж. Но в мужья она хотела взять такого человека, который сумел бы ответить, если с ним заговорят, а не такого, который только и знает, что важничать, — ведь это так скучно. Она приказала барабанщикам ударить в барабаны и созвать всех придворных дам; а когда придворные дамы собрались и узнали о намерениях принцессы, они очень обрадовались.

— Вот и хорошо! — говорили они. — Мы сами совсем недавно об этом думали...

— Верь, все, что я тебе говорю, истинная правда! — сказал ворон. У меня при дворе есть невеста, она ручная, и ей можно разгуливать по замку. Вот она-то мне обо всем и рассказала. Невеста его была тоже ворона: ведь каждый ищет себе жену под стать.

— На другой день все газеты вышли с каймой из сердечек и с вензелями принцессы. В них было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может беспрепятственно явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того, кто будет говорить непринужденно, словно дома, и окажется всех красноречивей, принцесса возьмет себе в мужья.

— Да, да! — повторил ворон. — Все это так же верно, как то, что здесь сижу. Народ повалил во дворец толпами — какая там была толкотня, давка! Но ни в первый, ни во второй день никому не улыбнулось счастье. Все женихи бойко разговаривали, пока были на улице, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию в расшитых серебром мундирах, а на лестнице лакеев в золотых ливреях, залитые светом залы, как их брала оторопь. А как встанут они перед троном, на котором сидит принцесса, так ни звука из себя выдавить не могут, только повторяют последние принцессины слова. А ей вовсе неинтересно было слушать все это снова. Можно было подумать, что всех их дурманом опоили! Но стоило им снова очутиться на улице, как языки у них развязывались. Длинный-предлинный хвост женихов тянулся от городских ворот до самого дворца. Я сам там был и все видел. Женихи хотели пить и едва держались на ногах от голода, а во дворце им даже стакана теплой воды не поднесли. Правда, те, что поумнее, захватили с собой хлеба с маслом, но, конечно, никто и не подумал поделиться со своими соседями. “Нет, уж пусть лучше у него будет голодный вид, тогда принцесса его не

выберет”, — рассуждали они.

— Ну, а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Когда же он появился? И он приходил свататься?

— Постой, постой! Теперь мы как раз и до него добрались! На третий день пришел маленький человек — ни в карете, ни верхом, а просто пешком и храбро зашагал прямо во дворец; глаза его сияли, как твои, у него были красивые длинные волосы, но одет был совсем бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Наконец-то я нашла его! От радости она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка, — сказал ворон.

— Нет, это были салазки! — возразила Герда. — Он ушел из дома с санками.

— А может, и санки, — согласился ворон. Я не разглядел хорошенько. Но моя невеста, ручная ворона, рассказала мне, что когда он вошел во дворец и увидел гвардию в расшитых серебром мундирах, а на лестнице лакеев в золотых ливреях, он ни капельки не смутился, а только приветливо кивнул им и сказал: “Должно быть, скучно стоять на лестнице! Пойду-ка я лучше в комнаты!” Залы были залиты светом; тайные советники и их превосходительства ходили без сапог и разносили золотые блюда, — ведь надо же держаться с достоинством!

А сапоги мальчика ужасно скрипели, но это его ничуть не смущало.

— Это, наверное, был Кай! — сказала Герда. — Я помню, у него были новые сапоги, я слышала, как они скрипели у бабушки в комнате!

— Да, скрипели они порядком, — продолжал ворон. — Но мальчик смело подошел к принцессе, которая сидела на жемчужине величиной с колесо прялки. Вокруг стояли все придворные дамы со своими служанками и со служанками своих служанок и все кавалеры со своими камердинерами, слугами своих камердинеров и прислужниками камердинерских слуг; и чем ближе к двери стояли они, тем надменнее держались. На прислужника камердинерских слуг, который всегда носит туфли, нельзя было взглянуть без трепета, до того важно стоял он у порога!

— Ах, наверное, было очень страшно! — сказала Герда. — Ну, так что же, женился Кай на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам на ней женился, хоть я и помолвлен! Он стал беседовать с принцессой и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи. Так сказала моя милая невеста, ручная ворона. Мальчик был очень храбрый и в то же время милый; он заявил, что пришел во дворец не свататься, — просто ему захотелось побеседовать с умной принцессой; ну, так вот, она понравилась ему, а он ей.

— Да, конечно, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь ужасно умный! Он умел считать в уме, да еще знал дроби! Ах, пожалуйста, проводи меня во дворец!

— Легко сказать! — ответил ворон, — Да как это сделать? Я поговорю об этом с моей милой невестой, ручной вороной; может, она что-нибудь посоветует; должен тебе сказать, что такую маленькую девочку, как ты, ни за что не пустят во дворец!

— Меня пустят! — сказала Герда. — Как только Кай услышит, что я здесь, он сейчас же придет за мной.

— Подожди меня у решетки! — каркнул ворон, покачал головой и улетел. Он вернулся только поздно вечером.

— Карр! Карр! — закричал он. — Моя невеста шлет тебе наилучшие пожелания и кусочек хлеба. Она стащила его в кухне — там хлеба много, а ты, наверное, проголодалась. Тебе не попасть во дворец, — ведь ты босая. Гвардия в серебряных мундирах и лакеи в золотых ливреях ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты все-таки туда попадешь! Моя невеста знает маленькую заднюю лестницу, которая ведет прямо в спальню, и она сумеет раздобыть ключ. Они вошли в сад, пошли по длинной аллее, где с деревьев один за другим падали осенние листья. А когда в окнах погасли огни, ворон подвел Герду к задней дверце, которая была чуть приоткрыта.

О, как билось сердце девочки от страха и нетерпения! Точно она собиралась сделать что-то дурное, — а ведь ей только хотелось убедиться, Кай ли это! Да, да, конечно он здесь! Она так живо представляла себе его умные глаза и длинные волосы. Девочка ясно видела, как он улыбается ей, словно в те дни, когда они сидели рядом под розами. Он, конечно, обрадуется, как только увидит ее и узнает, в какой длинный путь отправилась она из-за него и как горевали о нем все родные и близкие. Она была сама не своя от страха и радости!

Но вот они и на площадке лестницы. На шкафу горела маленькая лампа. На полу посреди лестничной площадки стояла ручная ворона, она вертела головой во все стороны и разглядывала Герду. Девочка присела и поклонилась вороне, как ее учила бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, милая барышня, — сказала ручная

ворона. — Ваша “vita”[2], как принято говорить, тоже очень трогательна. Не угодно ли Вам взять лампу, а я пойду впереди. Мы пойдем напрямик, тут мы не встретим ни души.

— Мне кажется, что кто-то идет за нами, — сказала Герда, и в это мгновение какие-то тени с легким шумом промчались мимо нее: кони на стройных ногах, с развевающимися гривами, охотники, дамы и кавалеры верхом на лошадях.

— Это сны! — сказала ворона. — Они пришли, чтобы унести мысли высоких особ на охоту. Тем лучше для нас, по крайней мере никто не помешает вам повнимательнее рассмотреть спящих. Но я надеюсь, что вы, заняв высокое положение при дворе, покажете себя с самой лучшей стороны и не забудете нас!

— Есть о чем говорить! Это сам собой разумеется, — сказал лесной ворон. Тут они вошли в первый зал. Стены его были обиты атласом, а на том атласе были вытканы дивные цветы; и тут мимо девочки опять пронеслись сны, но они летели так быстро, что Герда не смогла рассмотреть благородных всадников. Один зал был великолепнее другого; Герду эта роскошь совсем ослепила. Наконец, они вошли в спальню; потолок ее напоминал огромную пальму с листьями из драгоценного хрусталя; со середины пола к потолку поднимался толстый золотой ствол, а на нем висели две кровати в виде лилий; одна была белая — в ней лежала принцесса, а другая красная — в ней Герда надеялась найти Кая. Она отвела в сторону один из красных лепестков и увидела русский затылок. О, это Кай! Она громко его окликнула и поднесла лампу к самому его лицу, — сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц походил на Кая только с затылка, но он тоже был молодой и красивый. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда расплакалась и рассказала обо всем, что с ней приключилось, упомянула она и о том, что сделали для нее ворон и его невеста.

— Ах ты, бедняжка! — пожалели девочку принц и принцесса; они похвалили ворон и сказали, что вовсе не сердятся на них, — но только впредь пусть этого не делают! А за этот поступок они даже решили их наградить.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили позволения остаться при дворе. Они подумали о старости и сказали:

— Хорошо иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде, пока он больше ничего не мог для нее сделать. А девочка сложила ручки и подумала: “До чего же добры люди и животные!” Потом она закрыла глаза и сладко заснула. Сны опять прилетели, но теперь они были похожи на Божьих ангелов и везли маленькие санки, на которых сидел Кай и кивал. Увы, это был только сон, и стоило девочке проснуться, как все исчезло.

На другой день Герду с ног до головы нарядили в шелк и бархат; ей предложили остаться во дворце и пожить в свое удовольствие; но Герда попросила только лошадь с повозкой и сапожки, — она хотела тут же отправиться на поиски Кая.

Ей дали и сапожки, и муфту, и нарядное платье, а когда она простилась со всеми, к дворцовым воротам подъехала новая карета из чистого золота: герб принца и принцессы сиял на ней, словно звезда. Кучер, слуги и фореиторы — да, там были даже фореиторы — сидели на своих местах, а на головах у них красовались маленькие золотые короны. Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастья. Лесной ворон — теперь он уже был женат — провожал девочку первые три мили; он сидел рядом с ней, потому что не переносил езды “задом-наперед”. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями; она не поехала вместе с ними: с тех пор, как ей пожаловали должность при дворе, она страдала головными болями от обжорства. Карета была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай, прощай! — закричали принц и принцесса. Герда заплакала, и ворона тоже. Так они проехали три мили, потом ворон тоже простился с ней. Тяжело им было расставаться. Ворон взлетел на дерево и махал черными крыльями, пока карета, сверкавшая, как солнце, не скрылась из виду.

История пятая. Маленькая разбойница

Они ехали по темному лесу, карета горела, словно пламя, свет резал разбойникам глаза: этого они не потерпели.

— Золото! Золото! — закричали они, выскочили на дорогу, схватили лошадей под уздцы, убили маленьких фореиторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь, какая толстенькая! Орешками откормлена! — сказала старая разбойница с длинной

жесткой бородой и мохнатыми нависшими бровями.

— Словно откормленный барашек! Посмотрим, какова она на вкус? И она вытащила свой острый нож; он так сверкал, что на него было страшно взглянуть.

— Ай! — закричала вдруг разбойница: это ее укусила за ухо собственная дочка, сидевшая у нее за спиной. Она была такая своенравная и озорная, что любо посмотреть.

— Ах ты, дрянная девчонка! — закричала мать, но убить Герду она не успела.

— Пусть она со мной играет! — сказала маленькая разбойница. — Пусть отдаст мне свою муфту и свое хорошенькое платьице, а спать она будет со мной в моей постельке!

Тут она снова укусила разбойницу, да так, что та подпрыгнула от боли и завертелась на одном месте.

Разбойники хохотали и говорили:

— Ишь, как она пляшет со своей девчонкой!

— Я хочу в карету! — сказала маленькая разбойница и настояла на своем, — такая уж она была избалованная и упрямая.

Маленькая разбойница и Герда сели в карету и понеслись по корягам и камням, прямо в чащу леса. Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире ее в плечах и гораздо смуглее; волосы у нее были темные, а глаза совсем черные и грустные. Она обняла Герду и сказала:

— Они не посмеют тебя убить, пока я сама не рассержусь на тебя. Ты, наверное, принцесса?

— Нет, — ответила Герда и рассказала ей обо всем, что ей пришлось пережить, и о том, как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьезно поглядела на нее и сказала:

— Они не посмеют тебя убить, даже если я на тебя рассержусь, — скорей уж я сама тебя убью!

Она вытерла Герде слезы и засунула руки в ее красивую, мягкую и теплую муфточку.

Вот карета остановилась; они въехали во двор разбойничьего замка. Замок потрескался сверху донизу; из трещин вылетали вороны и вороны. Огромные бульдоги, такие свирепые, точно им не терпелось проглотить человека, прыгали по двору; но лаять они не лаяли — это было запрещено.

Посреди огромного, старого, почерневшего от дыма зала прямо на каменном полу пылал огонь. Дым поднимался к потолку и сам должен был искать себе выход; в большом котле варилась похлебка, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Эту ночь ты будешь спать со мной, рядом с моими зверюшками, — сказала маленькая разбойница.

Девочек накормили и напоили, и они ушли в свой угол, где лежала солома, покрытая коврами.

Над этим ложем на жердочках и шестах сидело около сотни голубей: казалось, что все они спали, но когда девочки подошли, голуби слегка зашевелились.

— Это все мои! — сказала маленькая разбойница. Она схватила того, что сидел поближе, взяла его за лапку и так тряхнула, что он забил крыльями.

— На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя прямо в лицо Герде. — А там сидят лесные пройдохи! — продолжала она, — Это дикие голуби, витютни, вон те два! — и показала на деревянную решетку, закрывавшую углубление в стене. — Их нужно держать взаперти, не то улетят. А вот и мой любимец, старина-олень! — И девочка потянула за рога северного оленя в блестящем медном ошейнике; он был привязан к стене. — Его тоже нужно держать на привязи, не то мигом удерет. Каждый вечер я щекочу его шею своим острым ножом. Ух, как он его боится!

И маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя; бедное животное стало брыкаться, а маленькая разбойница захохотала и потащила Герду к постели.

— А ты что, спишь с ножом? — спросила Герда и испуганно покосилась на острый нож.

— Я всегда сплю с ножом! — ответила маленькая разбойница. — Мало ли что может случиться? А теперь расскажи еще раз о Кая и о том, как ты странствовала по белу свету.

Герда рассказала все с самого начала. Лесные голуби тихо ворковали за решеткой, а остальные уже спали. Маленькая разбойница обняла одной рукой Герду за шею, — в другой у нее был нож — и захрапела; но Герда не могла сомкнуть глаз: девочка не знала, убьют ее или оставят в живых. Разбойники сидели вокруг огня, пили вино и распевали песни, а старуха-разбойница кувыркалась. Девочка с ужасом смотрела на них.

Вдруг заворковали дикие голуби:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его салазки, а сам он сидел рядом со Снежной королевой в ее санях; они мчались над лесом, когда мы еще лежали в гнезде; она

дохнула на нас, и все птенцы, кроме меня и брата, умерли. Курр! Курр!

— Что вы говорите? — воскликнула Герда. — Куда умчалась Снежная королева? Знаете вы еще что-нибудь?

— Видно, она улетела в Лапландию, — ведь там вечный снег и лед. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

— Да, там лед и снег! Да, там чудесно! — сказал олень. — Там хорошо! Скачи себе на воле по необъятным сверкающим снежным равнинам! Там Снежная королева раскинула свой летний шатер, а постоянные ее чертоги у Северного полюса на острове Шпицберген!

— О Кай, мой милый Кай! — вздохнула Герда

— Лежи смирно! — проворчала маленькая разбойница. — Не то пырну тебя ножом!

Утром Герда пересказала ей все, что говорили лесные голуби. Маленькая разбойница серьезно посмотрела на нее и сказала:

— Ладно, ладно... А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она у северного оленя.

— Кому же это знать, как не мне! — ответил олень, и глаза у него заблестели. — Там я родился и вырос, там я скакал по снежным равнинам!

— Слушай! — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши ушли, только мать осталась дома; но она немного погодя хлебнет из большой бутылки и вздремнет, — тогда я кое-что сделаю для тебя.

Тут она спрыгнула с постели, обняла мать, дернула ее за бороду и сказала:

— Здравствуй, мой милый козлик!

А мать ущипнула ее за нос, так что он покраснел и посинел, — это они, любя, ласкали друг друга.

Потом, когда мать хлебнула из своей бутылки и задремала, маленькая разбойница подошла к оленю и сказала:

— Я бы еще не раз пощекотала тебя этим острым ножом! Ты ведь так смешно дрожишь. Ну, да ладно! Я отвяжу тебя и выпущу на волю! Можешь убраться в свою Лапландию. Только беги, что есть силы, и отнеси эту девочку во дворец Снежной королевы к ее милому дружку. Ты ведь слышал, что она рассказывала? Говорила она довольно громко, а ты вечно подслушиваешь! Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала ее на всякий случай и даже подсунула под нее мягкую подушечку, чтобы ей удобно было сидеть.

— Так и быть, — сказала она, — бери свои меховые сапожки, ведь тебе будет холодно, а муфту

я

не отдам, уж очень она мне нравится! Но я не хочу, чтобы ты зябла. Вот тебе рукавицы моей матери. Они огромные, как раз до самых локтей. Сунь в них руки! Ну вот, теперь руки у тебя, как у моей уродины-мамаши!

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда ревут, — сказала маленькая разбойница. — Ты теперь радоваться должна! Вот тебе две буханки хлеба и окорок; чтобы ты не голодала.

Маленькая разбойница привязала все это оленю на спину, открыла ворота, заманила собак в дом, перерезала веревку своим острым ножом и сказала оленю:

— Ну, беги! Да смотри, береги девочку!

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с ней. Олень пустился во всю прыть через пни и кусты, по лесам, по болотам, по степям. Выли волки, каркали вороны. “Трах! Трах!” — послышалось вдруг сверху. Казалось, что весь небосвод охватило алое зарево.

— Вот оно, мое родное северное сияние! — сказал олень. — Посмотри, как горит!

И он побежал еще быстрее, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Прошло много времени. Хлеб был съеден, ветчина тоже. И вот они в Лапландии.

История шестая. Лапландка и финка

Они остановились у жалкой лачужки; крыша почти касалась земли, а дверь была ужасно низенькая: чтобы войти в избушку или выйти из нее, людям приходилось проползать на четвереньках. Дома была только старая лапландка, жарившая рыбу при свете коптилки, в которой горела ворвань. Северный олень рассказал лапландке историю Герды, но сначала он поведал свою собственную, — она казалась ему гораздо важнее. А Герда так продрогла, что и говорить не могла.

— Ах вы, бедняжки! — сказала лапландка. — Вам еще предстоит долгий путь; нужно пробежать сто с лишним миль, тогда вы доберетесь до Финмарка; там дача Снежной королевы, каждый вечер она зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу несколько слов на сушеной треске —

бумаги у меня нет — а вы снесите ее одной финке, что живет в тех местах. Она лучше меня научит вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, наелась и напилась, лапландка написала несколько слов на сушеной треске, наказала Герде хорошенько ее беречь, привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался во весь дух. “Трах! Трах!” — потрескивало что-то вверху, а небо всю ночь озаряло чудесное голубое пламя северного сияния.

Так добрались они до Финмарка и постучали в дымовую трубу лачуги финки — у нее и дверей-то не было.

В лачуге было так жарко, что финка ходила полунагая; это была маленькая, угрюмая женщина. Она живо раздела Герду, стащила с нее меховые сапожки и рукавицы, чтобы девочке не было слишком жарко, а оленю положила на голову кусок льда и только потом принялась читать то, что было написано на сушеной треске. Три раза она прочла письмо и запомнила его наизусть, а треску бросила в котел с супом: ведь треску можно было съесть, — у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка молча слушала его и только мигала своими умными глазами.

— Ты мудрая женщина, — сказал северный олень. — Я знаю, ты можешь связать одной ниткой все ветры на свете; развяжет моряк один узел — подует попутный ветер; развяжет другой — ветер станет крепче; развяжет третий и четвертый — разыграется такая буря, что деревья повалятся. Не могла бы ты дать девочке такого питья, чтобы она получила силу дюжины богатырей и одолела Снежную королеву?

— Силу дюжины богатырей? — повторила финка. — Да, это бы ей помогло! Финка подошла к какому-то ящичку, вынула из него большой кожаный свиток и развернула его; на нем были начертаны какие-то странные письма. Финка принялась разбирать их и разбирала так усердно, что у нее на лбу выступил пот.

Олень снова принялся просить за маленькую Герду, а девочка глядела на финку такими умоляющими, полными слез глазами, что та опять заморгала и отвела оленя в угол. Положив ему на голову новый кусочек льда, она прошептала:

— Кай в самом деле у Снежной королевы. Он всем доволен и уверен, что это самое лучшее место на земле. А причиной всему осколки волшебного зеркала, что сидят у него в глазу и в сердце. Нужно их вынуть, иначе Кай никогда не будет настоящим человеком, и Снежная королева сохранит над ним свою власть!

— А не можешь ли дать что-нибудь Герде, чтобы она справилась с этой злой силой?

— Сильнее, чем она есть, я не могу ее сделать. Разве ты не видишь, как велика ее сила? Разве ты не видишь, как ей служат люди и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Она не должна думать, что силу ей дали мы: сила эта в ее сердце, сила ее в том, что она милое, невинное дитя. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной королевы и вынуть осколки из сердца и из глаза Кая, мы ей ничем не сможем помочь. В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы; туда ты можешь отнести девочку. Ссадишь ее около куста с красными ягодами, что стоит в снегу. Не трать времени на разговоры, а мигом возвращайся обратно.

С этими словами финка посадила Герду на оленя и тот побежал со всех ног.

— Ах, я забыла мои сапожки и рукавицы! — закричала Герда: ее обожгло холодом. Но олень не посмел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами. Там он спустил девочку, поцеловал ее в губы, по его щекам покатались крупные блестящие слезы. Затем он стрелой помчался назад. Бедная Герда стояла без сапожек, без рукавиц посреди ужасной ледяной пустыни.

Она побежала вперед, что было силы; навстречу ей несли целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо было совсем ясное, освещенное северным сиянием. Нет, снежные хлопья неслись по земле, и чем ближе они подлетали, тем крупнее становились. Вспомнила тут Герда большие красивые снежинки, которые она видела под увеличительным стеклом, но эти были куда больше, страшнее, и все живые. Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Вид у них был дикий: одни напоминали больших безобразных ежей, другие — клубки змей, третьи — толстых медвежат со взъерошенной шерстью; но все они сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Герда принялась читать “Отче наш”, а холод был такой, что ее дыхание тотчас превращалось в густой туман. Туман этот все сгущался и сгущался, и вдруг из него начали выделяться маленькие светлые ангелочки, которые, коснувшись земли, вырастали в больших грозных ангелов со шлемами на головах; все они были вооружены щитами и копьями. Ангелов

становилось все больше и больше, а когда Герда дочитала молитву, ее окружал целый легион. Ангелы пронзали копьями снежных чудовищ, и они рассыпались на сотни кусков. Герда смело пошла вперед, теперь у нее была надежная защита; ангелы гладили ей руки и ноги, и девочка почти не ощущала холода.

Она быстро приближалась к чертогам Снежной королевы.

Ну, а что же в это время делал Кай? Конечно, он не думал о Герде; где уж ему было догадаться, что она стоит перед самым дворцом.

История седьмая. Что произошло в чертогах снежной королевы и что случилось потом

Стены дворца намели снежные метели, а окна и двери проделали буйные ветры. Во дворце было больше ста залов; они

были разбросаны как попало, по прихоти вьюг; самый большой зал простирался на много-много миль. Весь дворец освещался ярким северным сиянием. Как холодно, как пустынно было в этих ослепительно белых залах!

Веселье никогда не заглядывало сюда! Ни разу не устраивались здесь медвежьи балы под музыку бури, балы, на которых белые медведи расхаживали бы на задних лапах, показывая свою грацию и изящные манеры; ни разу не собралось здесь общество, чтобы поиграть в жмурки или фанты; даже беленькие кумушки-лисички, и те никогда не забегали сюда поболтать за чашкой кофе. Холодно и пустынно было в огромных чертогах Снежной королевы. Северное сияние сияло так правильно, что можно было рассчитать, когда оно разгорится ярким пламенем и когда совсем ослабнет.

Посреди самого большого пустынного зала лежало замерзшее озеро. Лед на нем треснул и разбился на тысячи кусков; все куски были совершенно одинаковые и правильные, — настоящее произведение искусства! Когда Снежная королева бывала дома, она восседала посреди этого озера и говорила потом, что она сидит на зеркале разума: по ее мнению, это было единственное и неповторимое зеркало, самое лучшее на свете.

Кай посинел и почти почернел от холода, но не замечал этого, — ведь поцелуй Снежной королевы сделали его нечувствительным к стуже, а сердце его давно превратилось в кусок льда. Он возился с остроконечными плоскими льдинками, укладывая их на все лады, — Кай хотел что-то сложить из них. Это напоминало игру, которая называется “китайской головоломкой”; состоит она в том, что из деревянных дощечек складываются различные фигуры. И Кай тоже складывал фигуры, одну затейливее другой. Эта игра называлась “ледяной головоломкой”. В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первостепенной важности. И все потому, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала. Он складывал целые слова из льдин, но никак не мог составить того, что ему так хотелось, — слова “вечность”. А Снежная королева сказала ему: “Сложи это слово, — и ты будешь сам себе господин, а я подарю тебе весь мир и новые коньки”. Но он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в теплые края! — сказала Снежная королева. — Загляну в черные котлы! Котлами она называла кратеры огнедышащих гор, Везувия и Этны.

— Побелю их немного. Так надо. Это полезно для лимонов и винограда! Снежная королева улетела, а Кай остался один в пустом ледяном зале, тянувшемся на несколько миль. Он смотрел на льдины и все думал, думал, так что голова у него трещала. Окоченевший мальчик сидел неподвижно. Можно было подумать, что он замерз.

А тем временем Герда входила в огромные ворота, где разгуливали свирепые ветры. Но она прочла вечернюю молитву, и ветры утихли, словно заснули. Герда вошла в необозримый пустынный ледяной зал, увидела Кая и тотчас узнала его. Девочка бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, мой милый Кай! Наконец-то я тебя нашла!

Но Кай даже не пошевелинулся: он сидел все такой же невозмутимый и холодный. И тут Герда расплакалась: горячие слезы упали Каю на грудь и проникли в самое сердце; они растопили лед и расплавили осколок зеркала. Кай взглянул на Герду, а она запела:

— Розы в долинах цветут... Красота!

Скоро мы узрим младенца Христа.

Кай вдруг залился слезами и плакал так сильно, что второй осколок выкатился из глаза. Он узнал Герду и радостно воскликнул:

— Герда! Милая Герда! Где ты пропадала? И где я сам был? — И он посмотрел по сторонам. — Как здесь холодно! Как пустынно в этих огромных залах!

Он крепко прижался к Герде, а она смеялась и плакала от радости. Да, радость ее была так велика, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись так, что из них

составилось то самое слово, которое велела сложить Каю Снежная королева. За это слово она пообещала подарить ему свободу, весь свет и новые коньки.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять порозовели; поцеловала в глаза — и они засияли, как у нее; поцеловала его руки и ноги — и он снова стал бодрым и здоровым. Пусть Снежная королева возвращается, когда ей вздумается, — ведь его отпускная, написанная блестящими ледяными буквами, лежала здесь.

Кай и Герда взяли за руки и вышли из дворца. Они говорили о бабушке и розах, что росли дома под самой крышей. И повсюду, где они шли, стихали буйные ветры, а солнышко выглядывало из-за туч. У куста с красными ягодами их поджидал северный олень, он привел с собой и молодую олениху, вымя ее было полно молока. Она напоила детей теплым молоком и поцеловала их в губы. Потом она с оленем отвезла Кая и Герду сначала к Финке. У нее они отогрелись и узнали дорогу домой, а потом отправились к лапландке; та сшила им новую одежду и починила салазки Кая.

Олень с оленихой бежали рядом и провожали их до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда расстались с оленями и с лапландкой.

— Прощайте! Прощайте! — говорили они друг другу.

Щебетали первые птички, деревья покрылись зелеными почками. Из лесу верхом на великолепном коне выехала молодая девушка в ярко-красной шапочке и с пистолетом в руках. Герда сразу узнала коня, когда-то он был впряжен в золотую карету. Это была маленькая разбойница; ей надоело сидеть дома и она захотела побывать на севере, а если там не понравится, — то и в других частях света.

Они с Гердой сразу узнали друг друга. Вот была радость!

— Ну и бродяга же ты! — сказала она Каю. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света!

Но Герда погладила ее по щеке и спросила про принца и принцессу.

— Они уехали в чужие края, — ответила девушка-разбойница.

— А ворон? — спросила Герда.

— Ворон умер; ручная ворона овдовела, теперь она носит на ножке в знак траура черную шерстинку и жалуется на свою судьбу. Но все это пустяки! Расскажи лучше, что было с тобой, и как ты его нашла?

Кай и Герда рассказали ей обо всем.

— Вот и сказке конец! — сказала разбойница, пожала им руки, пообещала навестить их, если ей когда-нибудь доведется побывать в их городе. Затем она отправилась странствовать по свету. Кай и Герда, взявшись за руки, пошли своей дорогой. Повсюду их встречала весна: цвели цветы, зеленела трава.

Послышался колокольный звон, и они узнали высокие башни своего родного города. Кай и Герда вошли в город, в котором жила бабушка; потом они поднялись по лестнице и вошли в комнату, где все было по-старому: часы тикали: “тик-так”, а стрелки все так же двигались. Но проходя в дверь, они заметили, что выросли и стали взрослыми. Розы цвели на желобке и заглядывали в открытые окна.

Тут же стояли их детские скамеечки. Кай с Гердой уселись на них и взяли за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы они забыли, как тяжелый сон. Бабушка сидела на солнышке и вслух читала евангелие: “Если не будете, как дети, не войдете в Царствие Небесное!”

Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли смысл старого псалма:

Розы в долинах цветут... Красота!

Скоро узрим мы младенца Христа!

Так сидели они, оба уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло теплое, благодатное лето. —